

Тан Ципин положил трубку, все еще размышляя о холодном тоне, которым Сун Цяошенг говорил о Шэнь Хуае, его собственном племяннике. Взглянув на окно, он случайно заметил Шэнь Хуая, который, одетый в пальто, выходил из первого корпуса и направлялся к парковке у озера, неясно для чего. Тан Ципин догадывался, что Шэнь Хуай собирается вернуться ради У Хайфэна, что он все еще хочет остаться в Донхуа, но в то же время ему казалось странным... В этот момент Тан Ципин вспомнил, что так и не спросил у Шэнь Хуая его возраст, но, судя по его внешности, ему было не больше двадцати четырех-двадцати пяти лет, он был еще совсем молод. Даже если их интересует карьера, для детей такой богатой семьи правильным выбором было бы подождать, пока им не исполнится тридцать лет, подняться по карьерной лестнице, а затем уже думать о том, где строить собственную жизнь. После кончины Чэнь Миндэ, Шэнь Хуай, несмотря на свой огромный опыт общения с людьми, был все еще молод и имел мало опыта. Тан Ципин изначально хотел поговорить с Шэнь Хуае откровенно, но потом подумал, что отношение Сун Цяошена к Шэнь Хуаю по телефону было несколько холодно, и поэтому раздумывал. Старик из семьи Сун в этом году исполнилось семьдесят девять, и в будущем во главе семьи Сун все равно окажется Сун Цяошенг. Если Шэнь Хуай не сможет угодить Сун Цяошенгу, его, вероятно, в будущем маргинализируют в семье Сун – Тан Ципин невольно подумал: что подумает Сун Цяошенг, если он возьмет на себя инициативу и будет поддерживать ребенка, от которого Сун Цяошенг отстранится?*****Гао Тяньхэ некоторое время задержался в шестом корпусе, утешая влюбленную Чэнь Миндэ, прежде чем смог уйти и вернуться в свой отдельный второй корпус. Десяток небольших домиков позади главного здания в Южном саду, словно дворцы, стояли в тихой ночи. Гао Тяньхэ вернулся в свою комнату, плотно закрыл окно, задернул шторы и сердито расстегнул воротник рубашки, который душил его. Некоторое время спустя в дверь постучали, и Гао Тяньхэ спокойным голосом произнес: "Войдите!" Гэ Юнцю осторожно толкнул дверь. Гао Тяньхэ сдержанно кивнул, и когда Гэ Юнцю закрыл дверь, он хлопнул по столу и спросил: "Что, черт возьми, происходит?" Гэ Юнцю жалобно проговорил: "Это правда, что этот мерзавец Шэнь Хуай несет чушь. Я вообще ничего ему не говорил. Даже если бы я был из городской администрации, Чжоу Юй была бы с ним. К тому же, это произошло утром. Как вы знаете, мэр Гао, его удар – это как удар мне в лицо, я..." "Не бойся, я прощаю тебя," Гао Тяньхэ, откинувшись на кресло, прищурился, глядя на Гэ Юнцю. Он не думал, что Гэ Юнцю его предаст, и спросил: "Подумай, все ли в порядке? Может, где-то просочилась информация?" "Боюсь, я недостаточно внимателен", Гэ Юнцю подумал о некоторых подозрениях, но не собирался признаваться Гао Тяньхэ в своей халатности – он не мог позволить себе потерять доверие Гао Тяньхэ. "Может, секретарь У поторопил Шэнь Хуая с отъездом. В то время Пэн Юн, не теряя времени, начал рассказывать о смерти Чэнь Миндэ, упоминая это дело, и Шэнь Хуай мог услышать что-то странное из нескольких слов... но Шэнь Хуай не такой умный!" Гэ Юнцю сказал и подумал про себя: Пэн Юн, Пэн Юн, ты все равно мертв, так что не вини меня, что я попал в ловушку. "Может, он раньше недооценивал этого Шэнь Хуая," Гао Тяньхэ нахмурился и сказал предположительно: "Может, Чжоу Юй что-то лишнего сказала." "Если что-то лишнее, то это мог быть только Чжоу Юй, который сказал ему это," Гэ Юнцю поддержал тон Гао Тяньхэ, "но Чжоу Юй не могла знать подробностей..." "Чжоу Юй, возможно, не может все проанализировать," Гао Тяньхэ нахмурился, попросив Гэ Юнцю скрывать правду, ведь было много ключевых моментов, которые он сам не мог понять, "Даже если Чжоу Юй все видит, она может напомнить многим из семьи У. Я не буду разворачиваться и говорить о семье У..." "Что мне теперь делать?" осторожно спросил Гэ Юнцю. "Это не обязательно плохо," сказал Гао Тяньхэ, нахмурившись, "то, как мы будем справляться с этим, не должно касаться нас. В конце концов, это был У Хайфэн, который невнятно говорил о провинции. Даже если У Хайфэн возненавидел нас, это не имеет значения. Главное – это то, как провинция будет смотреть на эту ситуацию ..." Гэ Юнцю подумал мгновение и сказал: "Да, провинции придется серьезно разобраться с этим делом, и, может быть, У Хайфэна лишат должности секретаря городского комитета партии; просто смысл того, что говорил Тан Ципин, заключается в том, чтобы

расспросить только Шэнь Хуая, просто боюсь, что они что-то заметят..." "Даже если Шэнь Хуай умен и может увидеть какие-то следы, что он может сообщить Тан Ципину? И провинция не захочет, чтобы ситуация стала еще сложнее, так что не переживай ни о чем, главное – держи язык за зубами. Сейчас", Гао Тяньхэ покачал головой, жестом показал Гэ Юнцю, чтобы тот не волновался, и добавил: "Хотя У Хайфэн попросил тебя сделать самокритику, он все равно не сможет тебя уволить. С Пэн Юном, пожалуйста, сначала утешь его, я позже сделаю для него распоряжения, и в этом деле не должно быть больше утечек." "А Шэнь Хуай..." "Пока игнорируй, подожди, пока инцидент не забудется". Закончив говорить, Гао Тяньхэ махнул рукой Гэ Юнцю, чтобы тот ушел, и сел на диван, закрыв глаза. Для такого человека, как Шэнь Хуай, если он уедет из Донхуа, у него не будет с ним никаких дел; если он останется в Донхуа, его попросят посидеть на скамейке запасных на несколько лет. В конце концов, еще есть некоторые вещи, которые он не может понять. Действовать безрассудно не в его стиле. Если бы он не видел, как Чэнь Миндэ бросился штурмовать городской металлургический завод в этот раз, он бы не рискнул этого делать...*****Шэнь Хуай взял сигарету из машины, подошел к столику у воды, расположенному у озера, и закурил. Шэнь Хуай обнаружил, что его все еще могли видеть люди из небольшого здания, когда он стоял здесь; он не любил стоять на видном месте, где его могли наблюдать другие. Куря, он смотрел на тени деревьев, погруженные в озеро. Напротив Зеленого озера находился центр города Донхуа. За исключением телебашни, которая была очерчена гирляндой огней, большинство других мест погрузилось в тихую ночь, не было и намека на процветание. Не говоря уже о том, что у Шэнь Хуая были воспоминания о процветающих зарубежных городах из фрагментов памяти прошлого, и в последние годы он путешествовал по многим местам по всей стране, что заставило его почувствовать отставание в развитии города Донхуа. Если говорить честно, город Донхуа также находится вблизи реки и моря, и был первым прибрежным городом, открытым для внешнего мира. В трех районах и шести округах проживает семь миллионов человек, достаточно человеческих ресурсов и образовательных ресурсов. В середине-начале 1980-х годов промышленная база Донхуа все еще входила в тройку лучших в провинции, и было несколько основных предприятий, занимающихся выплавкой стали, судостроением и машиностроением. Однако в 1990-х годах из-за стремительного спада нескольких основных государственных предприятий и отсутствия активной частной экономики экономика Донхуа отставала от других городов один за другим. Городской металлургический завод – типичный пример. Когда прибыль была хорошей, годовая прибыль превышала 300 миллионов юаней, что было почти равно одной десятой части местного бюджета города Донхуа в то время. Теперь, когда он находится в руках Гу Тунга и других, он стал таким беспорядком. На другой стороне Зеленого озера находится здание Tianheng, инвестированное и построенное городским металлургическим заводом. Когда проект был запущен в 1990 году, городской металлургический завод заявил, что инвестировал 200 миллионов юаней в строительство первого небоскреба высотой более 100 метров в городе Донхуа. Просто он не ожидал, что сразу после того, как был заложен фундамент Tianheng Building, городской металлургический завод столкнулся с операционными трудностями и больше не мог изыскивать значительные средства для строительства. В последние три года именно под давлением городского комитета партии и городского правительства Tianheng Building с трудом был закрыт, но не было капитальных вложений в последующий проект, и он простоял почти полгода. Ночью Tianheng Building был полностью темным, вообще не было света, как будто в центре города Донхуа отсутствовал кусок, как большой ослепительный шрам на всем городе. Не только муниципальные металлургические предприятия, но и все муниципальные государственные предприятия в Донхуа находятся в упадке, и экономика значительно отстает. Шэнь Хуай, находящийся в этом центре, ясно видит все и лучше всех понимает это. "Когда в городе произошло такое большое дело, секретарь У тоже был очень пассивен. Сейчас секретарь У назначил меня сопровождать влюбленного Чэнь Миндэ, надеюсь, что все можно будет спасти. Кроме того, в городе нет других женщин, как ты хочешь, чтобы я это делал?" Шэнь Хуай смотрел на Зеленое озеро в темноте, размышляя, как вдруг услышал

голос Чжоу Юй, доносившийся снаружи. Шэнь Хуай посмотрел в лесной массив и увидел, что Чжоу Юй говорила по телефону с "большой сестричкой" и быстро шла к озеру. Она выглядела нетерпеливой и по звуку говорила со своим мужем. О чем вы спорите: "Пожалуйста, не поднимай шум без причины, я действительно работаю. Если ты не веришь, можешь приехать в Нанюань и посмотреть. Я не злюсь на тебя, как ты хочешь, чтобы я тебе это объяснила?" Шэнь Хуай подумал про себя: Может, муж Чжоу Юй подозревает, что она ворует людей, не возвращаясь домой так поздно? Неудивительно, если подумать, муж Чжоу Юй парализован в больничной койке, но его мысли о том, как предотвратить воров, не исчезли. Как он может не понимать, что когда цветы в полном цвету, Чжоу Юй будет в глазах других мужчин, каким нежным куском красоты и мяса он станет? Хотя Чжоу Юй полагается на свой собственный фон и не боится молчаливых правил других, кто может гарантировать, что Чжоу Юй сможет пережить одиночество вдовства и не найдет любовника, чтобы утешить свою душу? Шэнь Хуай собирался напомнить Чжоу Юй вслух, но когда услышал ее личную ссору с мужем, он засомневался, стоит ли сообщать Чжоу Юй о том, что он находится в темноте. Прежде чем Шэнь Хуай успел среагировать, Чжоу Юй, которая спорила с мужем по телефону, была несдержанна и также вошла в лес метасеквойи, попросив Шэнь Хуая ничего не говорить. "Кашлять!" Шэнь Хуай слегка кашлянул, напоминая Чжоу Юй, что он был в лесу. Однако Чжоу Юй все еще спорила с мужем о том, почему она не может вернуться сегодня вечером, и не заметила присутствия Шэнь Хуая. Шэнь Хуай встал и поздоровался с Чжоу Юй: "Секретарь Чжоу, выходите, подышите!" Чжоу Юй никогда не думала, что в лесу метасеквойи есть люди. Она была полна гнева из-за того, что ее муж был подозрительным и слишком чувствительным. Она не могла позволить другим слышать шутки. Когда она дошла до Шэнь Хуая, она вдруг поняла, что перед ней встала черная фигура, едва не коснувшаяся кончика ее носа. "Ах!" Чжоу Юй закричала, а затем бросила "большую сестричку" в руку в лицо Черной тени, споткнулась и упала вперед. Шэнь Хуай тоже страдал от несчастья в течение восьми жизней, и его ударили по лбу. Когда Чжоу Юй упала, она поставила руку на грудь, из-за чего он потерял равновесие и упал прямо назад. Шэнь Хуай подсознательно попытался схватиться за что-нибудь, но схватил только за руку Чжоу Юй на груди и прямо увлек ее в свои объятия, и они обнялись, как будто катались.